Ошанин Л.
(75-лет. со дня рожд)

29/V 82.

29 МАЯ 1987 г. № 22 (1270)

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ
г. Москва

СЛОВО О ДРУГЕ-ПОЭТЕ

«СВОЕ ЖИВОЕ»

К 75-летию Льва ОШАНИНА

СУДЬБА подарила мне не одну совместную дорогу с Львом Ивановичем Ошаниным. Это не дежурный оборот, даже не просто приятное воспоминание, а как бы попытка продолжения поэтического открытия мира, природы таланта, ибо только в дороге до конца постигаешь, насколько жаден до новых впечатлений и открытий, как молодо распахнут навстречу людям и жизни этот седой человек. Понимаешь и заражаешься творческой целеустремленностью, ожиданием удачи, способностью слышать призывный свист стрелы-дороги и печальное эхо оборванного пути.

Эх, дороги, пыль да туман...

Строки великой песни, которую маршал Жуков назвал одной из трех лучших, на его взгляд, песен о войне, стали как бы девизом всей жизни поэта, камертоном его многозвучного творчества. Александр Межиров написал на конверте с пластинкой стихов и песен Ошанина: «Если сущность поэзии действительно звук, в чем я убежден, Вы — поэт редкого дара... Эти строки (песни «Дороги». — А. Б.) превратились в кровь и в плоть целой эпохи...»

Конечно, песни были и до этого. Помню, на фестивале «Красная гвоздика» (перекликнувшемся названием со строчкой другой песни Льва Ивановича) к поэту в номер пришел бывший разведчик, сын полка, ветеран кавалерийской дивизии, которая ходила в атаку с боевой песней Ошанина. Показывал фотографии, список ветеранов, повторял припев. Словом, жил воспоминанием и этой песней, честно сказать, даже несколько не подходящей к атмосфере курортного фестиваля. Но и такие песни остаются в строю, пока греют людей и позволяют поэту прямо ответить на вопрос: «Вы воевали?».

...Воевал ли я, снятый с учета слепец?
В шинели без всяких погон
и различий...
Я шел по войне из конца в конец.
Песни мои — права мои птичьи.

Как часто бывает в поэзии, инверсия, подчеркнутая рифмой, вдруг неожиданно преображает устоявшийся фразеологизм, сообщает ему дополнительный смысл: а так ли уж это плохо — пребывать на птичьих правах? Петь неудержимо, в согласии с ожиданием внимающих людей?

Я подслушал в народной душе
эту песню когда-то
И, ничем не прикрасив,
тихонько сказал ей:
— Лети!
И за песню солдаты
встречали меня как солдата
И враги нас обоих
старались убить на пути.

То — тщетные старания, ибо песню «не задушишь, не убьешь». Мы с товарищами по поколению — ровесники песни «Дороги», я слышал ее дома, потом сам пел у походного костра; на школьном вечере я впервые влюбился в школьницу, которая трогательно исполняла песню Ошанина «Веришь не веришь — только с последним звонком». В тот год, когда появилась «Песня о тревожной молодости», меня приняли в комсомол. В армии, куда меня, студента семинара Льва Ивановича, призвали с первого курса Литинститута, я пел с друзьями «Мы порою писем ждем крылатых» и не знал, что эта песня, кочевавшая по разным сборникам со сноской «слова и музыка народные»,—его! И дело не в сугубо личных воспоминаниях и биографических совпадениях — песни Ошанина сокровенно совпадают с судьбами множества людей. Сменяются поколения, разнятся вкусы и пристрастия, но неизменно с нами крылатые его строки. Это ли не подлинная народность творчества!

В кратком слове обо всем не скажешь. Хочу лишь подчеркнуть, что, несмотря на общепризнанный песенный талант (тут сходятся порой и самые противоречивые суждения о том, что написано поэтом), автор более шестидесяти сборников стихов все последние годы находится в постоянном и разножанровом поиске. Достаточно вспомнить две крупные, во многом новаторские работы — романсы в балладах «Вода бессмертия» об Александре Македонском и «Талисман Авиценны», пьесу в стихах «Ташкентская легенда», множество остросюжетных баллад, в которых он обращается к самым болевым нравственным точкам и событиям. Я был недавно свидетелем, как воспринималась во время Дней литературы на Украине его «Чернобыльская баллада» — «Вам, мальчики, герои-лейтенанты, Владимир Правик, Виктор Кибенок...».

Лауреат Государственной премии СССР, профессор Литературного института имени А. М. Горького, он, конечно же, продолжает писать лирику и шутливые стихи, остается все таким же легким на подъем человеком, внимательным товарищем, остроумным собеседником. Его кредо выражено в строчках:

Учись, бессонная строка,
Твердить свое, свое живое.
А что потом нести с собою,
Пусть разбираются века.

Века, безусловно, разберутся. Но пока, внемля совету старшего товарища — твердить свое живое, — хотелось бы закончить приветствие юбиляру не дежурной одой, а литературной пародией.

НЕПЕРЕВОДИМО

Не шали с любовью, не балуй,
От живого чувства не беги.
Береги, девчонка, поцелуи.
Да смотри не пере-бере-ги!

Хочу сказать,
как я тебя люблю, —
Но это непереводимо.
(Лев ОШАНИН)

Увлекаясь пением Кобзона,
Ты хоть раз, девчонка, позови
Публия Овидия Назона
И его поэмы о любви.
Или почитай мои баллады,
Близостью читательской пьяни.
Ты цени любовь и все, что надо,
Да смотри не пере-оце-ни!
Полетим, девчонка, через Кольский,
Самарканд, Самару, Сомали
В космос чувства.
Путь, конечно, скользкий,
Но и там с любовью не шали.
Просто верю, что преодолима
Проза жизни...
Через год придет
Телеграмма: «Вышли перевод».
Знаешь, это — непереводимо!

Эту пародию я уже читал на его авторских вечерах, а потому могу представить, как мой старший товарищ перечтет эти строки и, как бывало, надеюсь, не удержится от такой молодой и доброй своей улыбки.

Александр БОБРОВ

313